

К 100-ЛЕТИЮ А.А. ТРОФИМУКА

Одержимость

Академик А.А. Трофимук был борцом, мужественным и несгибаемым человеком. Интересы страны, науки, интересы дела были для него превыше всего. Предлагаем вниманию читателей интервью, записанное корреспондентом журнала «Смена» в 1987 году. В нём в полной мере отражены убеждения учёного, патриота и гражданина.

— Андрей Алексеевич, перестройка вступила в весьма ответственный период — период практических дел, воплощения в жизнь принятых решений. Сегодняшний день требует от нас немалых усилий, проявления лучших человеческих качеств. Нужна революционная одержимость. Но ведь не по приказу, указанию сверху люди становятся принципиальными, целеустремленными, одержимыми... Что, на ваш взгляд, способствует формированию этих качеств?

— Сознание — вот тот фундамент, на котором строится вся человеческая деятельность. В.И. Ленин отмечал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своими действиями решает изменить его». Но сознание ещё надо реализовать! И тут-то никак не обойтись без убежденности, стойкости, идейности... Конечно же, какие-то нравственные начала закладываются родителями, школой. Но не за ними, на мой взгляд, решающее слово. Воспитывая молодых людей, мы можем долго и настойчиво рассуждать о высоких материях, сущности бытия, будем приводить классические примеры из истории, литературы, пичкая подрастающее поколение наставлениями, нравочениями. Но означает ли это, что таким вот образом молодого человека можно наделить принципиальностью или одержимостью? Нет, не думаю. Только сама жизнь, окружающая действительность с её проблемами и противоречиями, сложностями и трудностями, целями и борьбой, пробуждает в людях социальную активность, развивает и формирует лучшие человеческие качества. И, несомненно, высокие цели требуют высоких энергий!

Вспомним, например, какие цели стояли перед молодежью тридцатых годов? Пятый Всесоюзный съезд Советов утвердил первый советский пятилетний план. Его задача — превратить отсталую аг-

рарную страну в развитую державу! Люди, казалось, брались за невозможное — надо было не просто построить несколько гидроэлектростанций, заводов, фабрик, шахт, а создать развитую по тем временам промышленность, причем в максимально короткий срок! И мы, выпускники Казанского университета, тоже спешили внести свой вклад в громаду дел. Отправлялись в горы Урала и Кавказа, в тайгу и пустыни — искать крайне необходимые стране газ, железные руды, бокситы, уголь, нефть.

В предвоенные и военные годы мне довелось возглавлять поиски и добычу нефти в Волго-Уральской нефтегазосной провинции. Специальных — «нефтяных» — знаний не хватало: имел-то я общее геологическое образование. А пришлось руководить людьми опытными, знающими, которые умели добывать нефть. Они мне говорили: что ты, парень, понимаешь в нашем деле? Да, отвечал я, верно, знаю мало, но вы-то люди сведущие. Так учите меня, учите, чтобы знал не меньше вас... Нефть нужна была фронту. Немцы овладели нефтепромыслами Украины и Северного Кавказа, нависла угроза захвата Баку... Поэтому район между Уралом и Волгой должен был стать главным местом нефтедобычи. Однако нефть ещё предстояло найти, а она не очень-то давалась в первое время. Но неудачи не вгоняли нас в пессимизм, мы не терялись, а трезво анализировали каждый промах и тем самым приближались к успеху. Сроки многих работ сократили в несколько раз.

— Из бесед с вашими сослуживцами знаю, что ваша одержимость, Андрей Алексеевич, нередко была на грани риска. И это в то суровое время!

— Да, приходилось рисковать — нередко самостоятельно закладывали скважины, не дожидаясь необходимых согласований; изобретали, как быстрее «взять» нефть... Мы думали только о деле. И одна из скважин дала мощнейший фонтан:

шесть тысяч тонн в сутки! Столько не давали все существующие промыслы. Так было открыто Кинзебулатовское месторождение. И вдруг нелепое обвинение: мол, мои коллеги пытались скрыть месторождение, ликвидировать, закрыть скважину, да вот не получилось... Абсурд какой-то. Понятно, чем это грозило в военное время. Пришлось вмешаться, отстаивать людей, защищать их от необоснованных обвинений. Знаю, некоторые в подобных ситуациях стараются держаться подале, в тени — как бы чего не вышло. Где-то человек верен своим принципам, а где-то их игнорирует... Он может яростно биться за свою идею, но тут же, угождая кому-то или чему-то, предаёт товарища, друга. Разве это убежденность, разве это боец? Словом, тогда с нами разбиралась только вторая комиссия, которую возглавлял Н.К. Байбаков. Позже я узнал, что и на меня всё-таки было заведено «дело».

— Неправимой ошибки, к счастью, не случилось. Труд вашего коллектива справедливо оценили, отметили высокими наградами. Отметили и вас. Вы — первый советский геолог, который в годы войны получил звание Героя Социалистического Труда, а позже вы были удостоены и первой Государственной премии...

— Что и говорить, приятно, когда твою работу так высоко оценивают. Но, поверьте, это ко многому обязывало — надо было идти дальше. «Ни на секунду не успокаиваться на достигнутом...» — учил Серго Орджоникидзе. Да, не сумеешь удержать себя от излишних восторгов — сломаетесь, зазнаетесь, забуксуешь на месте. Не только неудачи надо трезво анализировать, но и победы. Без этого нет движения вперед. Впрочем, нам некогда было упиваться восторгами — нас манила Западная Башкирия, месторождение Туймазы. Нефть там бралась в верхних, каменноугольных слоях — на глубине 1200 метров. Мы же предлагали бурить глубже, идти на девонские слои. Для многих эта идея казалась безумием. Нам говорили: обстановка в стране сложная, идет война — к чему сомнительные эксперименты?

Нет, мы не отказались от своих замыслов, отстаивали их перед самым высоким начальством. Конечно же, знали, что нас ждет в случае неудачи. Но мы верили в свои знания, верили в науку и не ошиблись в расчетах. Первая же глубокая скважина дала больше нефти, чем весь промысел на Туймазах. Так родился «Второе Баку». Открытие девонской нефти позволило не только бесперебойно снабжать фронт, но и резко увеличить в стране добычу нефти и газа в послевоенные годы.

— Андрей Алексеевич, с 1957 года ваша жизнь, научная деятельность связаны с Сибирью, Сибирским отделением АН СССР. От ваших коллег знаю, что вас неоднократно приглашали в Москву, предлагали высокие, солидные должности, но тем не менее вы не поддались соблазну, хотя работать в Сибирии вам было, вероятно, нелегко.

— Как я оставлю Сибирь? Привлекает не только возможность познания, изучения недр этого края, но и использование их в народном хозяйстве. Привлекают серьезность, масштабность, историчность

работ, если хотите. Ведь именно с развитием Сибири связывался и связывается дальнейший прогресс нашей страны.

Кстати, Сибирское отделение было сформировано в кратчайшие сроки — за один год — и вопреки всевозможным прогнозам не только устояло, но и весьма скоро во многом стало задавать тон. В этом немалая заслуга академика М.А. Лаврентьева — главного организатора сибирской науки. Человек, безусловно, глубоко увлеченный, он создал в нашей научной среде деловую, творческую атмосферу. Каждый крупный учёный имел не только самостоятельность, но и возможность реализовать свою программу.

Меня же по-прежнему увлекала нефть. Основоположник советской нефтяной геологии академик Н.М. Губкин ещё в начале 30-х годов обосновал возможность открытия в Западной Сибири промышленного нефтегазосного бассейна. Однако не все авторитеты были согласны с ним, считая, что запасы нефти и газа в Западной Сибири невелики, местного, стало быть, значения. Долгое время господствовала именно эта точка зрения. Вот мы тогда и решили разобраться в этом до конца. И оказалось, что прав был Губкин — мой учитель. Мы обосновали перспективы сырья Западной Сибири и стали доказывать, что этот регион в ближайшие годы должен стать новой — причём главной — газонефтедобывающей базой страны, определили стратегические направления поисков нефти и газа, предсказали объёмы потенциальных запасов... И тем не менее скептиков, всяких сомневающихся хватало.

Сейчас в Западной Сибири — более двухсот месторождений. Из них около ста действующих, которые дают более половины всей добываемой в стране нефти. Только в Тюменской области с начала двенадцатой пятилетки вступили в строй 36 новых месторождений. За счёт этого нефтяники страны погасили свою задолженность государству.

Углеводороды занимают особое место в государственной программе «Сибирь», которая, кстати, берет свое начало от ленинского плана ГОЭЛРО, продолжает и развивает его. За последние годы удалось научно пересмотреть реальные запасы нефти и газа в Западной Сибири. Нефти оказалось в два, а газа в три раза больше, чем считали раньше. Только в пределах Западной Сибири ресурсы нефти и природного газа превышают ресурсы США.

Предназначение науки — смотреть вперед, видеть перспективу. Мы говорим: территория Западной Сибири исследована недостаточно полно. Дело в том, что до настоящего времени все месторождения здесь были найдены в меловых отложениях, образованных 90—100 миллионов лет назад. Но давайте спустимся вниз, к более древним отложениям, на «этаж» ниже — и там оказывается нефть!

Перед коллективом Сибирского отделения стоят серьезные задачи: к концу века в Сибирии должно добываться 70 процентов нефти и газа, более 50 процентов угля, вырабатываться не менее 18—20 процентов электроэнергии.

Проблема углеводородов —

проблема исключительная. Напомним, что углеводороды — пока самое экономичное энергетическое сырье. Уровень и качество использования этого сырья есть показатель уровня и качества развития страны в целом! Тут нет натяжки, преувеличения. Поэтому именно углеводороды — приоритетное направление в нашем институте. Конечно же, нам была известна теория об ограниченности запасов нефти и газа. Думаю, что сибирские учёные, сделав важное научное открытие, успокоили многих скептиков и паникёров. Была установлена способность углеводородов образовывать с водой твёрдые соединения в вечномёрзлых породах — газогидраты. Иначе говоря, твёрдый газ. Эти уникальные залежи обнаружены во многих местах. Твёрдый газ существенно увеличивает энергетический потенциал не только Сибири и СССР, но и всей планеты в целом.

— Андрей Алексеевич, вы ещё в 1960 году выдвинули гипотезу о том, что второй нефтедобывающей базой страны станет территория Восточной Сибири и Западной Якутии между Енисеем и Леной. Подтвердились ли ваши прогнозы?

— Мне с моими учениками и сподвижниками пришлось отстаивать эту точку зрения на протяжении многих лет. И только в прошлой пятилетке удалось доказать нашу правоту. Но боюсь, ещё не все поверили нам до конца. И всё же мы уже сейчас должны начать формировать новые предприятия нефтяной и газовой промышленности в районах Восточной Сибири.

Безусловно, добыча углеводородов ещё более возрастёт за счет Восточной Сибири. Какое сравнение: если в Западной Сибири суммарная нефтегазосная площадь — около двух миллионов квадратных километров, то в Восточной — более трёх миллионов!

В Восточной Сибири добыча полезных ископаемых сложнее, чем в Западной. Значит, тут не обойтись без новой буровой техники. Но особая проблема — транспортная. Скажем, в Западной Сибири транспортные затраты и издержки доходят до 50 процентов. Кроме железной дороги, должен быть экономичный трубопроводный транспорт нефти, природного газа... Практика показывает: нужны конструкции вездеходов разных типов, в том числе и на воздушной подушке, нужен большегрузный транспорт типа вертолетов (гибрид дирижабля и вертолета) и экранолетов. Решение транспортных проблем — вопрос ресурсосбережения. А это — главная тенденция нашей инвестиционной политики, которая корнями уходит в Октябрь.

Уж коль мы заговорили про экономику, то вот ещё некоторые цифры для размышления: отдача от работ по программе «Сибирь» сейчас составляет около 2,5 рубля на рубль затрат. Да, сравнительно неплохо. Но это в семь раз (!) меньше, чем можно было бы получить. Каждый рубль, вложенный в геологические изыскания, оборачивается потенциальными ценностями на сумму 40—50 рублей. И это не предел.

Яснее ясного: мы должны повысить коэффициент использования природных богатств, а затраты на их добычу уменьшать. Но это, надо признать, ещё нередко остаётся